

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ И ЕГО УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. 1900—1914 гг.

Статья посвящена оценке участия политической полиции Российской империи во внутриполитической борьбе в стране в 1900—1914 гг. Доказывается, что деятельность российской политической полиции по созданию подконтрольных организаций рабочих опередила практику ряда западных государств по созданию корпоративной системы, являвшейся ответом консерваторов социалистическим движениям. На основе анализа историографии и делопроизводственных материалов политической полиции автор приходит к выводу, что полицейская провокация вышла за рамки борьбы с революционным движением, а высшие чины Особого отдела Департамента полиции, призванного охранять основы государственности, оказались вовлеченными в противостояние элит. Составной частью этого процесса стало участие в физическом устранении тех или иных государственных деятелей руками революционеров-террористов, руководимых агентурой Департамента полиции. С одной стороны, упомянутая деятельность провоцировала политическое противостояние и стала одним из катализаторов революционного движения. С другой стороны, участие в ней морально и материально обезоруживало представителей полиции в противостоянии революционному движению.

Ключевые слова: Особый отдел Департамента полиции, спецслужбы, политическая провокация, рабочее движение, зубатовщина, корпоративизм.

Проблемы революционного движения в Российской империи являлись объектом изучения автора. Значительное внимание в ходе работы в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) было отведено деятельности политической полиции в революционной среде [1–3]. Наличие в блоге «Альтернативная история» подборки материалов «О вкладе секретной полиции царской России в дело революции» с размещением в ней фрагментов ранее опубликованной работы автора — одна из причин возвращения к теме [4]. Задача представленной статьи — выявить роль политической полиции в политической жизни России начала XX в. и поставить вопрос о последствиях деятельности её органов для судеб государства. Появление новых работ, посвященных деятельности полиции, на наш взгляд, не снимает поставленную задачу, а делает её более актуальной. Автор анализирует деятельность столичных/центральных структур политической полиции. Материалы, связанные с Сибирью, носят иллюстративный характер.

Структура. В начале XX в. к административно-полицейскому аппарату Российской империи относились: созданный в 1898 г. Особый отдел Департамента полиции (ДПОО); существующие с 1867 г. губернские жандармские управления (ГЖУ) и об-

разованные в 1880-е гг. секретно-розыскные отделения, получившие наименования охранных отделений (охранок) [5].

Особый отдел Департамента полиции стал своеобразным аналитическим центром административно-полицейского аппарата; его функции были разнообразны: от организации надзора за политическими настроениями населения до наблюдения за политическими партиями и розыска лиц по политическим вопросам. Особый отдел по мере разветвления деятельности располагал коллекцией фотографий революционеров (порядка 20 тыс. снимков) и именной картотекой на 55 тыс. человек. Имел «летучий отряд» филеров (агентов наружного наблюдения) [6, с. 229, 230; 1].

Отдел имел право давать поручения на места, губернским жандармским управлениям (ГЖУ) и секретно-розыскным отделениям. Взаимодействие названных подразделений подтверждалось законодательно [7]. Материалами Департамента полиции Министерства внутренних дел, в основном, представлен дореволюционный комплекс документов ГАРФ, принявший на хранение документы Особого отдела Департамента полиции, Московского и Петроградского охранных отделений. Комплекс во-брал в себя присылаемые в Особый отдел губер-

скими жандармскими управлениями материалы, включая сибирские.

Король провокации. Особый отдел в 1900-е гг. возглавляли различные люди — Л. А. Ратаев, С. В. Зубатов, Я. Г. Сазонов, Н. А. Макаров, А. Т. Васильев и др. Обратимся к деятельности Сергея Васильевича Зубатова. Член ученического народо-вольческого кружка, мелкий канцелярский служащий, завербованный начальником московской охранки Н. С. Бердяевым, будучи телеграфистом на железнодорожных станциях близ Москвы и вольнослушателем Московского университета исправно выдавал товарищам по революционной деятельности жандармерии. В 1889 г., накануне разоблачения, был легализован и в возрасте 25 лет прикомандирован к Департаменту полиции. Через семь лет С. В. Зубатов станет начальником Московского секретно-разыскного отделения, положив начало широкому использованию провокации. Верхом провокации в области работы с политическими партиями было создание в 1898–1901 гг. в противовес БУНДУ и РСДРП, Независимой еврейской рабочей партии, действующей в Минске, Вильно, Киеве, Екатеринославе, Одессе. В 1899 г. С. В. Зубатов внедряет в Северный Союз социалистов-революционеров (Евно) Ф. Азефа. К 1902 г. можно отнести его контакты с Г. А. Гапоном-Новых (далее Гапон). В августе 1902 г. С. В. Зубатов переведен в Санкт-Петербург, где по инициативе директора Департамента полиции А. А. Лопухина назначается чиновником особых поручений 6-го класса сверх штата МВД. С октября 1902 г. по август 1903 г. он заведует Особым отделом Департамента полиции. С января 1903 г. Сергеем Васильевичем был пожалован чин 5-го класса — чин статского советника. Так бывший народовец вошел в круг, объединявший представителей высшей номенклатуры, определявшей курс политики государства. Революционеры ненавидели отступника. Ближайшие сотрудники боготворили Сергея Васильевича. Чины жандармерии его не понимали, что порождало чувство неприязни, переходившей у отдельных столпов режима в брезгливость.

В августе 1903 г. С. В. Зубатов отправлен в отставку и выслан во Владимир-на-Клязьме, с ноября ему запрещают заниматься политической деятельностью и жить в столицах [3, с. 31, 32, 35, 37, 38, 59].

«Полицейский социализм». В мае 1901 г. в Москве возникло «Общество взаимопомощи рабочих механического производства». С. В. Зубатов снабдил общество литературой по профессиональному рабочему движению, привлек к просветительской деятельности ученых. Документы «Общества» закрепляли двуединный подход к рабочему вопросу: «защита интересов рабочих и поддержание порядка и законности в отношении рабочих к хозяевам» [8, с. 39].

В феврале 1902 г. в Кремле перед памятником Александру II была проведена монархическая манифестация и отслужена панихида при участии порядка 45 тыс. рабочих. Полиция отсутствовала, но порядок на манифестации был образцовый. На площади присутствовал великий князь Сергей Александрович. Впечатление от происходящего было огромным. Особенно от того, что манифестация прошла через несколько дней после студенческих выступлений, а филиалы «Общества» имелись в Одессе, Киеве, Минске, Николаеве [9, с. 29; 3, с. 36–37].

Весной 1903 г., уже будучи в Санкт-Петербурге, С. В. Зубатов поддерживает связи с Г. А. Гапоном. Последний, защитив диссертацию по теме «Современное положение прихода в православных церквях, греческой и русской», слышет реформатором. Читаемые им в церкви Скорбящей Божией Матери в Галерной гавани, на основе раннехристианского понимания, проповеди «О силе рабочего товарищества» имеют огромный успех [3, с. 59]. С. В. Зубатов предлагает Г. А. Гапону, являющемуся руководителем «Санкт-Петербургского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», написать министру финансов С. Ю. Витте записку с просьбой о его легализации. В феврале 1904 г. министр внутренних дел В. К. Плеве утвердил устав организации, получившей название — «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». К ноябрю 1904 г. в общество входило около 10 тыс. рабочих [10, с. 130–131; 3, с. 38].

Идеи С. В. Зубатова к этому времени уже были отвергнуты в верхах. Промышленники в отношении с рабочими не желали поступиться и частью прибыли. Настроение бизнес-элиты совпадало со взглядами большинства власть предержащих, видевших врага в лице подобных организаций и не предвидящих возможные перспективы их развития. Так Департамент полиции не сумел противопоставить политизированному рабочему движению подконтрольные Особому отделу организации рабочих.

По общеизвестной версии события 9 января 1905 г. стали следствием увольнения с Путиловского завода четырех членов «Собрания». Все это спровоцировало забастовку и петицию. После того, как «Собранию» не удалось добиться восстановления уволенных на Путиловском заводе, рабочие выдвинули более широкие требования: установление 8-часового рабочего дня; отмена сверхурочных работ; создание на предприятиях постоянных выборных комиссий из рабочих, разбирающих совместно с администрацией жалобы работников; свобода профессиональных рабочих союзов...[11].

Провокация — Боевая организация эсеров и Азеф. В картотеке Особого отдела за весь период существования Департамента полиции (1880–1917 гг.) было зафиксировано около 10 тыс. секретных сотрудников. В исследуемое время их количество от 1,5 до 2 тыс. В городах империи численность агентов внутреннего наблюдения колебалась от двух до 30. В Москве в 1912 г. таковых было 159 [12, с. 39].

Однако обратимся к фигуре значительной, ставшей злой легендой без помощи историков. В 1899 г. С. В. Зубатов внедрил Е. Ф. Азефа, агента Департамента полиции с 1902 г., в Северный Союз социалистов-революционеров. С осени 1901 г. он по указанию Департамента сближается с М. Р. Гоцем и Г. А. Гершуни. Совместно с Г. А. Гершуни Е. Ф. Азеф пишет проект создания боевых летучих отрядов. Проект выдвигает агента полиции в первые ряды партии эсеров. Начинается боевая «работа», которой с ареста в 1903 г. Г. А. Гершуни руководит Е. Ф. Азеф [3, с. 83, 112].

Послужной список этого «партийца» внушительен.

Под его руководством подготовлены и проведены следующие теракты:

— покушение и убийство уфимского губернатора Н. М. Богдановича (1903 г.);

- покушение и убийство министра внутренних дел В. К. Плеве (1904 г.);
- покушение и убийство генерал-губернатора Москвы великого князя Сергея Александровича (1905 г.);
- казнь Г. А. Гапона (1906 г.);
- покушение и убийство командующего Черноморским флотом адмирала Г. П. Чухнина (1906 г.);
- убийство саратовского генерал-губернатора В. В. Сахарова (1905 г.);
- убийство петербургского градоначальника фон дер В. Ф. Лауница (1906 г.);
- убийство главного военного прокурора В. П. Павлова (1906 г.).

В активе Е. Ф. Азефа были и государственные деятели, им спасенные, например, Д. Ф. Трепов и А. Г. Булыгин, подготовку покушения на которых он в 1905 г. предотвратил. Верхом подобной деятельности петербургского Боевого отряда эсеров флотского лейтенанта Б. Н. Никитенко, сообщившего о возможности казнить самого царя во время посещения последним эскадры. В результате было арестовано 28 человек (члены боевого отряда и лица, с ними контактирующие). Б. Н. Никитенко был казнен.

Имела место и иная деятельность в пользу полиции. Е. Ф. Азеф выдал охранке:

- съезд эсеров в Харькове (1901 г.);
- поездку С. Н. Слетова в Россию (1904 г.)
- нижегородский съезд боевиков (1905 г.) [3, с. 113, 114, 115].

По воспоминаниям членов боевой организации, в решениях о ликвидации того или иного деятеля Е. Ф. Азеф отличался бескомпромиссностью [13, с. 60–61].

Между тем открытым остается вопрос о том, кто и при каких обстоятельствах намечал жертв эсеровского террора? Как отстраивались бы государственные институты без политических убийств, проводимых под руководством агента Департамента полиции?

Игры вокруг престола. В современных российских публикациях авторы анализируют реформирование органов политической полиции в начале XX в., характеризуя С. В. Зубатова как её реформатора, немногочисленные зарубежные исследователи проводили сравнительный анализ деятельности С. В. Зубатова с деятельностью революционной социал-демократией [9, 12, 14, 15].

Вернемся к началу XX в. Реформы органов политической полиции имели место как до С. В. Зубатова, так и после. Например, внедрение агентов внутреннего наблюдения в революционную среду практиковалось еще в 1870-е гг. инспектором секретной полиции Г. П. Судейкиным, убитым в 1883 г. народовольцами.

Подход С. В. Зубатова отличался от опытов его предшественников тем, что Особый отдел, широко используя провокацию, принял непосредственное участие как в попытках решить «рабочий вопрос», так и в борьбе различных групп политической элиты Российской империи друг с другом за определение будущего развития страны и своего места в её управлении.

Пример — «полицейский» или государственно-монархический социализм.

Создание рабочих организаций вряд ли относится к компетенции политической полиции, а ведение тред-юнионистской деятельности — подавно. Между тем факт имел место быть. Однако для определе-

ния перспективы необходимо обратиться к данным о национальном составе российской «бизнес-элиты». В начале XX в. в её составе: русских было 34–35 %; немцев — 25 %; евреев — 14 %; поляков — 10 %; армян — 1–1,5 %; французов российского происхождения — 1–1,5 %; малороссов — 1–1,5 %; греков — 1 %; татар — 0,5 %; оставшуюся долю — 11–11,5 % составляли подданные иных государств. В первопрестольной среди купцов I гильдии, в те годы вкладывающих капитал в фабричное и заводское дело, значительную роль играли евреи — 65 %; далее русские — 30 % и выходцы из Европы — 5 % [16, с. 120].

Взаимопонимание между трудом и «национальным капиталом», при данном соотношении, мало возможно. Как следствие, не было шансов и у сторонников создания «полицейского», государственно-монархического социализма в России.

Расклад политических сил в 1904 г. выглядел следующим образом. На рубеже XIX–XX в. сформировалась либеральная интеллигенция, в той или иной мере отражающая взгляды нарождающейся буржуазии, и разночинная — тяготеющая к идеям социализма. Интеллигенция стала заметной частью общества и была готова предъявить свои права на участие в управлении государством. В январе 1904 г. была создана оппозиционная организация «Союз освобождения», отражавшая волю либералов, готовых к сотрудничеству с социалистами, преимущественно эсерами, используя их в качестве тарана против власти [17, с. 174–175].

В июне 1904 г. боевой организацией эсеров, руководимой агентом Департамента полиции Е. Ф. Азефом, казнен министр внутренних дел В. К. Плеве, утвердивший устав «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» [3, с. 38]. Так, либералы, отражавшие взгляды «русской буржуазии», руками провокатора, внедренного в партию эсеров, поставили точку на «полицейском», государственно-монархическом социализме.

Новый министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирской сумел убедить Николая II в необходимости диалога государства и либеральной оппозиции. Но события августа–ноября 1904 г.: провал подготовки земского съезда, его проведение либералами как частного совещания, банкетная компания, в ходе которой поднимались тосты за свободу и конституцию, и противодействие ей правительства стали иллюстрацией неприятия либеральной оппозицией замыслов министра. Либералы пошли на обострение ситуации [17, с. 175].

При этом им казалось, что под влияние попал Г. А. Гапон. Либералы не знали, что «лидер рабочих» получает от Департамента полиции на содержание 100 рублей, а после отставки С. В. Зубатова продолжает поддерживать отношения с департаментом [10, с. 130–131].

Отметим, что все стороны, использовавшие потенциал «Собрания», кроме рабочих, готовились получить дивиденды от складывающейся ситуации.

Г. А. Гапон — человек отнюдь не бескорыстный. Уже летом 1905 г. между ним и одним из революционеров произошел разговор:

— На что Вы рассчитывали, когда 9 января вели рабочих на Дворцовую площадь к царю?

— *На что? А вот на что! Если бы царь принял нашу делегацию, я упал бы перед ним на колени и убедил бы его при мне же написать указ об амнистии всех политических. Мы бы вышли с царем на балкон, я прочел бы народу указ. Общее ликова-*

ние. С этого момента я — первый советник царя и фактический правитель России. Начал бы строить царство Божие на земле...

— Ну, а если бы царь не согласился?

— Согласился бы. Вы знаете, я умею передавать другим свои желания.

— Ну, а все же, если бы не согласился?

— Что же? Тогда было бы то же, что при отказе принять делегацию. Всеобщее восстание, и я во главе его [3, с. 67].

Либералы из «Союза освобождения», будущие кадеты, в случае удовлетворения политической составляющей «Петиции», что было маловероятным, получали «свободы», а в случае отказа — возможность стать во главе борьбы за демократизацию государственного строя [17, с. 176].

Логика власти была проста — шествие не разрешено, надо действовать методами устрашения. Высшие чины империи полагали, что вид вооружённых солдат остановит рабочих, и они разойдутся. Дядя царя, великий князь Владимир Александрович, руководивший 9 января расправой, прямо говорил, что небольшое кровопускание не повредит [11]. Однако рассмотрим сложившуюся ситуацию глобально. Запретив шествие, высшие круги государства:

— окончательно отказывались от «полицейского» или государственно-монархического социализма, предоставили российской буржуазии право безраздельной эксплуатации рабочих в обмен на политическую лояльность;

— допуская возможность расстрела шествия рабочих, поддерживаемого радикальной частью либеральной оппозиции и социалистами, режим продемонстрировал отказ от политических уступок, обозначенных в «Петиции...».

Что дело идет к расправе, многие поняли еще накануне, когда город был наводнен солдатами. Пытаясь предотвратить её, делегация с участием А. М. Горького вечером 8 января сделала попытку встретиться с царем. Но Николай II от встречи уклонился. Аналогичным образом повел себя министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский. Ничего не дало и обращение к С. Ю. Витте [11].

Утром 9 января 1905 г. собравшиеся в рабочих районах Санкт-Петербурга — за Нарвской и Невской заставами, на Выборгской и Петербургской стороне, на Васильевском острове и в Колпине, колонны начали своё движение к Дворцовой площади. Их общая численность доходила до 150 тыс. человек [10, с. 132]. Шествие было расстреляно. Согласно официальным данным, погибшими считались 96 человек, а ранеными — 333 человека. По сведениям журналистов, число погибших и пострадавших колебалось в интервале от 4500 до 4900 человек. Но и эти данные не бесспорны, поскольку погибших хоронили тайно и сразу на четырех кладбищах. П. Д. Святополк-Мирский был отправлен в отставку [11].

Естественно, после 9 января 1905 г., получившего название «кровавого воскресенья», вера в «царя-батюшку» значительно убавилась. История не имеет сослагательных наклонений. Высокая концентрация рабочих на российских предприятиях, при их бесправии и нищенском положении семей, создавала взрывоопасную ситуацию. Но как прошел бы день 9 января 1905 г. без созданных ДПОО рабочих организаций, неизвестно.

Что касается Г. А. Гапона, то Е. Ф. Азефом он был тотчас же объявлен агентом полиции. Как следствие, жертвой Боевой организации. Но, в данный

момент, Г. А. Гапон — «герой 9 января». Его прячут, переправляют за границу. В Женеве он знакомится с Г. В. Плехановым, вступает в РСДРП, открывает банковский счет «Фонд Гапона», встречается с В. И. Ульяновым, В. Д. Бонч-Бруевичем, редакцией «Искры». Далее с эсером П. М. Рутенбергом он посещает Париж, где его представляют Жан Жоресу и Ж. Б. Клемансо. В Лондоне он беседует с П. А. Кропоткиным. Весной 1905 г. по одним данным от американцев, по другим — от японцев он получает чек на 50 тыс. франков для покупки парохода «Джон Крафтон» с оружием для революции. В это время Г. А. Гапон позиционирует себя как инициатора объединения социалистических партий. Он выходит из РСДРП и по протекции В. М. Чернова вступает в партию эсеров. Он возвращается в Россию, чтобы начать общественную деятельность. Департамент полиции помнит об агенте. Казнили его все-таки эсеры. Это произошло 28 марта 1906 г. после неудачной попытки завербовать П. М. Рутенберга в качестве агента полиции. Хоронили Г. А. Гапона на Успенском городском кладбище, что по Финляндской железной дороге, 3 мая 1906 г. Не все рабочие верили в его «провокачество», и около 200 представителей отделов «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» прибыли к могиле с венками. Рабочие, их жены и даже дети пели «Вы жертвами пали...» [10, с. 137–139; 17, с. 176; 3, с. 65–68].

Социалистические партии достаточно быстро дали оценку и Г. А. Гапону и факту краха идеи «полицейского», государственно-монархического социализма.

Так, изданная еще в марте 1905 г., тиражом 16 тыс. экземпляров Сибирским Союзом и Комитетом РСДРП прокламация «Рабочий класс и поп Гапон» с подзаголовком «Ко всем работникам и работницам» объясняла — «Царская монархия и рабочая Россия стали лицом к лицу на улицах российских городов. [...] Вместо хоругви — красное знамя, вместо попа — социал-демократия, вместо смирения — смелое нападение с оружием в руках. [...] Готовьтесь же, товарищи! Революция не за горами! Москва, Вильно, Киев, Рига, Одесса, Саратов, Самара, Минск, Томск...» [18, с. 1, 4]. Омский комитет Партии социалистов-революционеров переиздал стилизованную под обращение к монарху прокламацию «Письмо от русских крестьян Николаю II». В обращении к самодержцу «крестьяне» писали: «Мы считали тебя народным отцом и земным богом. Мы служили тебе верой и правдой, а наши отцы служили твоему отцу [...] В поте лица своего, тяжким трудом мы обрабатывали землю, все, что добывали, до последней копейки, отдавали в твою казну, чтобы тратил ты эти деньги на русскую державу. [...] Мы отдали сотни тысяч самых лучших, самых здоровых сыновей наших в твою царскую службу. [...] Когда 9 января 1905 г. петербургские рабочие пошли к твоему дворцу и хотели рассказать тебе о своей трудной жизни и о своем утешении, твои генералы велели солдатам расстрелять рабочее шествие. [...] Эта кровь — на твоих руках и на твоей душе» [19, с. 1–2].

В ходе вспыхнувшей революции до осени 1905 г. либералы доминировали в борьбе за демократизацию государственного строя. Но с октября 1905 г. ситуация поменялась. На альтернативное либералам антиправительственное выступление решились большевики, к которым примкнула некоторая часть эсеров и меньшевиков. В декабре 1905 г. большеви-

кам удалось организовать восстания в ряде городов империи. Особое место имело Московское восстание. Восстание потерпело поражение, но оно развело антиправительственные силы на оппозиционные и революционные [15, р. 205].

Российские либералы продолжали натиск на царизм. Объективными участниками этого натиска стали либерально настроенные высшие чины Департамента полиции и действующий под их прикрытием руководитель Боевой организации эсеров Е. Ф. Азеф. Так, 4 февраля 1905 г. взрывом брошенной И. П. Каляевым бомбы был убит слышавший реакционером дядя царя генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович. Убийство вызвало восторг — либеральная интеллигенция шутила: «Сергей Александрович впервые пораскинул мозгами». А через две недели Николай II сообщил о намерении создать новый орган — представительную Государственную думу. Еще одной мишенью революционеров и либеральной части ДПОО являлся Д. Ф. Трепов. Биография этого государственного деятеля обширна: с 1896 г. он московский обер-полицеймейстер и активный сторонник «полицейского социализма», с 11 января 1905 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга с диктаторскими полномочиями, с апреля 1905 г. товарищ (заместитель) министра внутренних дел. Подавляя Октябрьскую всероссийскую политическую стачку, Д. Ф. Трепов отдал известный приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть!». На его жизнь неудачно покушались дважды: 2 января 1905 г. и 1 июля 1906 г. Савонник скончался 2 сентября 1906 г. от сердечного приступа [3, с. 28–29, 113; 17, с. 176].

По неполным данным только в 1905–1907 гг. эсеры осуществили 233 теракта: были убиты 2 министра, 33 губернатора и 7 генералов [20].

Остается только размышлять о том, как складывалась бы политическая жизнь страны без деятельности Е. Ф. Азефа, то есть без политических убийств, организованных либеральной частью политической полиции.

При этом на службе в Департаменте полиции глава Боевой организации эсеров находился 15 лет и 7 месяцев, вплоть до декабря 1908 г. Под угрозой разоблачения он бежит в Германию, где вместе с «госпожой N» безбедно, имея около 250 тыс. марок сбережений, проживает до июня 1915 г. Арестованный по подозрению в шпионаже, он проводит в тюрьме Моабит более двух лет. Умирает Е. Ф. Азеф от почечной болезни в апреле 1918 г. Похоронен Е. Ф. Азеф по второму разряду в Вельмерсдорфе без указания имени под номером «446» [3, с. 117–119].

Политические убийства продолжились и после Е. Ф. Азефа. Так, в результате 12-го по счету покушения 1 сентября в театре г. Киева в присутствии Николая II был смертельно ранен (умер 5 сентября) Председатель Совета министров П. А. Столыпин. Стрелял в него Д. Г. Богров, анархо-коммунист, агент киевской охраны с декабря 1906 г., имевший в 1910 г. контакт с начальником петербургской охраны бароном фон М. Ф. Коттеном. Именной билет на представление он получил с согласия министра внутренних дел П. Г. Курлова и заведующего агентурой царского двора, полковника А. И. Спиридовича. По этому делу была проведена сенатская ревизия, материалы которой были переданы в Государственный Совет. Началось следствие по делу. Руководители охраны были объявлены Государственным Советом «соучастниками убийства». Однако в 1913 г.

дальнейшее расследование было прекращено по личному указанию царя [3, с. 100, 102–103].

Реформы политической полиции. События революции 1905–1907 гг. заставили Министерство внутренних дел изменить свое отношение к политическому розыску. Для приближения управления к низовым органам создали 8 охранных округов. Районные охранные отделения были созданы в таких городах, как Петербург, Москва, Самара, Харьков, Киев, Одесса, Вильно, Рига. Каждое районное охранные отделение объединяло несколько губерний. А 14 декабря 1906 г. было утверждено Положение о районных охранных отделениях. В 1907–1909 гг. на его основе начинается реформирование, а для Сибири и Дальнего Востока — создание структуры районных охранных отделений [12, с. 223].

В исследованиях 1960–1970-х гг., на основе отчетов районных охранных отделений, получила прописку точка зрения о наличии общесибирского руководящего центра РСДРП в Красноярске в 1907–1910 гг., и Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского бюро в годы нового революционного подъема. С конца 1970-х гг. данная точка зрения была поставлена под сомнение. Анализ региональных государственных архивов и бывших партийных архивов КПСС дает основание сделать вывод, что Охранные отделения либо ошибались, либо по каким-то причинам дезинформировал Департамент полиции [1, с. 27].

В указанные годы политическая полиция в регионах сталкивалась с проблемами: экспроприаций; распространения революционной литературы, включая литературу, поступающую из Японии, США, Китая; контроля за общественно-политическими движениями и подавления недовольства рабочих.

Так, «Политический обзор Степного края за период с 1 января 1909 года по 1 января 1914 года» неоднократно отмечал рабочие выступления. Например, «11 мая 1912 г. на Спасских медеплавильных заводах в Акмолинской области прекратили работу 95 плавильщиков, забастовка была вызвана исключительно низкой заработной платой при весьма тяжелых условиях труда (70–80 копеек в день), длилась 4 дня. Рабочие получили 5–10 копеек прибавки». Осенью 1913 г. в Омское жандармское управление (ОЖУ) поступали сведения о недовольстве рабочих фабрики «Энергия», г. Омск. По данным ОЖУ в крае были предприняты попытки организации следующих обществ: «Омского общества взаимного вспоможения приказчиков», «Профессионального общества рабочих по металлу», «Профессионального общества конторских служащих». Прошение об организации последнего было отклонено губернатором. При этом полиция констатировала вынужденный характер вмешательства в проблемы, порожденные нежеланием хозяев должным образом оплачивать труд рабочих [21, л. 1, 2, 7, 8].

Развертывание работы жандармских управлений требовало привлечения средств [5]. Именно это, на наш взгляд, и является причиной дезинформации.

В последующие годы С. В. Зубатов неоднократно приглашался на службу, но предпочитал выступать в качестве эксперта Департамента полиции. С апреля 1906 г. он эпизодически сотрудничал в журналах «Гражданин», «Дневник», «Вестник Европы». В мае 1910 г. С. В. Зубатов возвращается в Москву. Он ведет переписку с А. И. Спиридовичем, князем Мещерским, революционером Бур-

цевым... Четырнадцать лет спустя после отставки, 2 марта 1917 г. Сергей Васильевич, сидя за обедом с семьей в Замоскворечье, узнал, что царь отрекся... Он безмолвно выслушал эту весть, вышел в соседнюю комнату. Раздался выстрел [3, с. 38–39].

Вместо заключения. Политической полиции Российской империи пришлось строить работу в условиях либеральной модернизации проводимой С. Ю. Витте, которая повлекла изменения социально-экономических порядков и трансформацию политической системы. В этих условиях несомненный интерес имеет создание с помощью полиции легальных, подконтрольных правительству рабочих организаций, получивших в революционной печати, а впоследствии советской историографии, название «полицейского социализма», или зубатовщины. Данная попытка была отвергнута С. Ю. Витте, а также деловыми кругами империи. Уже через два десятилетия она получила применение в Португалии (1933–1974 гг.), Италии (1926–1945 гг.) и Испании (1939–1975 гг.), построивших «корпоративные государства». Суть применённого метода — в разрешении конфликта интересов на основе жёсткого государственного и идеологического контроля над различными классовыми/социальными группами, принудительного объединения работников и предпринимателей в зависимые от государства отраслевые корпорации.

Характеризуя деятельность политической полиции в рассматриваемый период, необходимо отметить, что выстроенная система внутреннего наблюдения и использование провокации вышли за рамки борьбы с революционным движением. Высшие чины Особого отдела Департамента полиции оказались вовлеченными в противостояние элит. Составной частью этого процесса стало участие в физическом устранении государственных деятелей, руками революционеров-террористов, руководимых агентурой Департамента полиции. Анализ политического террора позволяет сделать вывод о направленности удара по сторонникам консервативной модернизации — министру внутренних дел В. К. Плеве, генерал-губернатору Москвы великому князю Сергею Александровичу, товарищу (заместителю) министра внутренних дел Д. Ф. Трепову, Председателю Совета министров П. А. Столыпину.

Ситуация не могла не отразиться на политической полиции. Недостаточное финансирование, слухи и сплетни, связанные с внутрисистемными конфликтами, и применение карательных мер на периферии, как-то Сибирь, порождали неуверенность в среде полицейских и ненависть по отношению к ним со стороны революционеров [22, с. 163].

Реформирования, проводимые либерально настроенными руководителями, как то товарищем министра В. Ф. Джунковским, прекратившим в январе 1913 г. деятельность группы, созданной для рассмотрения накопившихся проблем и переработки нормативных документов; ликвидировавшим секретную агентуру в средних учебных заведениях, а также в армии; отдавшим в апреле 1913 г. распоряжение упразднить все охранные отделения, за исключением основных в Санкт-Петербурге, Москве и Варшаве, с понижением в некоторых отдаленных губерниях их статуса до розыскных, ослабляли полицейские органы перед лицом революционного движения и опять же порождали неуверенность в полицейской среде [12, с. 42; 14, с. 224].

Российская история позволяет констатировать, что ни одно движение на периферии не одержи-

вало победы. На периферии, по крайней мере, в Сибири, чины полиции революционных событий не ожидали. В середине 1916 г. ОЖУ сообщало директору Департамента полиции, что «Местные социал-демократы находят, что никакие выступления пока немыслимы, почва неблагоприятна, да и местной администрации побаиваются. А эсеры совершенно не склонны к выступлению: все это простой рабочий народ, труд которого в настоящее время так хорошо оплачивается, дороговизна жизни для них отзывается гораздо в меньшей степени, чем на чиновниках, и они заняты только накоплением грошей, тем более лишены возможности пропить лишний заработок» [23, л. 70–71].

В 1980-е гг. автором статьи в Государственном архиве Омской области в Фонде 270 была найдена вырезка из местной газеты исследуемого периода со стихотворением «Нелюди». Вырезка, по всей видимости, была вложена в «Дело» служащим жан-дармерии, не чуждым юмора. Автор — «Ваня Веселый» писал:

Мины унылые...
Позы госкливые...
Были давно ли
Такие крикливые!
Были эсерами
Были эсеками
Ныне же выглядят
Просто калеками...
Выглядят трусами
Жалкою челядью...
Плачь, разрыдайся
Над этою наледью!
Всюду пришибленность,
Всюду уныние,
Будто последствия
Раннего инея!
Речи короткие,
Лица поблекшие,
Нос фиолетовый,
Щёки отекие [1, с. 153].

Впрочем, это о революционерах и на периферии.

Несомненно, участие спецслужб в «разборках» элит негативно сказывалось на выполнении ими своих функций в сфере обеспечения внутренней безопасности государства.

Революция 1917 г. в России наглядно показала бессилие политической полиции, не сумевшей предотвратить Петроградские беспорядки и свержение монархии. Падение царизма явилось следствием таких факторов, как стихийные, не исключено, что спровоцированные либералами, народные выступления в столице, стремление думской либеральной оппозиции заполучить государственную власть; и позиция, занятая российским генералитетом, рекомендовавшим Николаю II отречься от престола, то есть решившимся на государственный переворот.

В данных условиях политическая полиция повлиять на ситуацию была неспособна. Постановлением Временного Правительства от 10 марта 1917 г. Департамент полиции был упразднён.

Библиографический список

1. Новиков С. В. Социал-демократы и революционное подполье Сибири (1907–февраль 1917 гг.). Историография второй половины 50–80-х гг. XX века: моногр. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2003. 164 с.

2. Новиков С. В. Листовки как источник к изучению региональных организаций революционных партий (на материалах г. Омска, ноябрь-декабрь 1905 г.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 5 (170). С. 190 – 195.
3. Новиков С. В. Революционеры, охранка, провокация. 1887 – 1917. Психологические зарисовки из истории политического террора. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. 144 с.
4. О вкладе секретной полиции царской России в дело революции. URL: <https://alternathistory.com/o-vklade-sekretnoj-politsii-tsarskoj-rossii-v-delo-revoljutsii/> (дата обращения: 14.11.2022).
5. Перегудова З. Политический сыск России 1880 – 1917 гг. URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/per/egudova_02.htm (дата обращения: 14.11.2022).
6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Москва: Высшая школа, 1968. 368 с.
7. Положение об охранных отделениях от 9 февраля 1907 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19070209polic.html (дата обращения: 14.11.2022).
8. Айнзафт С. Зубатовщина и гапоновщина. Москва: Изд-во ВЦСПС, 1925. 171 с.
9. Федоров А. Б., Голядкин Г. Н. Полиция принимает вызов (еще раз о полицейской реформе 1902 – 1903 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 2. С. 27 – 30
10. Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Ленинград: Лениздат, 1990. 255 с.
11. Розенталь И. Кровавое воскресенье «8 и 9 января 1905 года — разные эпохи». URL: https://www.solidarnost.org/thems/uroki-istorii/uroki-istorii_1469.html (дата обращения: 24.11.2022).
12. Бродникова М. Н. К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 37 – 43.
13. Ивановская П. С. Боевая организация (Из воспоминаний) // Былое. 1926. № 3 (37). С. 51 – 70.
14. Калинин Н. В. Охранные отделения в системе административно-полицейских органов власти России начала XX века // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. С. 219 – 225.
15. Jeremiah S. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. By Jeremiah Schneiderman. Ithaca, London: Cornell University Press, 1976. P. 401.
16. Новиков М. С. Российская империя «Русского народа» как «потерянный рай» националистов 1990-х гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 5-6 (47). С. 118 – 123. DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.221.
17. Холяев С. В. Конфликт либералов с властью 1904 года как завязка русской революции // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 4-3 (106). С. 174 – 179. DOI: 10.23670/IRJ.2021.106.4.099.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Ед. хр. 10027.
19. ГАРФ. 1741. Оп. 124 (1). Ед. хр. 16657.
20. Мальцев В. Из истории нижегородского терроризма. URL: <http://kriminalnn.ru/2012/09/24/iz-istorii-nizhegorodskogo-terrorizma> (дата обращения: 05.12.2022).
21. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 59. Св. 4.
22. Бакшт Д. А. Использование чрезвычайного законодательства в Енисейской губернии в межреволюционный период (1907 – 1917 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2012. № 2-1 (3). С. 158 – 164.
23. ИАОО Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Св. 42.

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), профессор кафедры философии, истории, экономической теории и права Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина, г. Омск.
SPIN-код: 7226-1354
AuthorID (РИНЦ): 650930
Адрес для переписки: zatoncherlak62@inbox.ru

Для цитирования

Новиков С. В. Особый отдел Департамента полиции и его участие в политической жизни Российской империи. 1900 – 1914 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 2. С. 21 – 29. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-21-29.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023 г.
© С. В. Новиков

A SPECIAL DIVISION OF THE POLICE DEPARTMENT AND ITS PARTICIPATION IN POLITICAL LIFE OF RUSSIAN EMPIRE. 1900–1914

The most important of the internal functions of the state is the preservation of peace and order in society. Usually, this function is implemented by the forces of the political police, the effectiveness of which depends on many factors. An analysis of the work of the Special Department of the Police Department in the period preceding the First World War and subsequent social upheavals allows us to draw the following conclusions. Individual figures of the department took steps to build a corporate system as a response of conservatives to socialist movements and organizations, creating controlled workers' organizations. However, the police provocation quickly outgrew the struggle with socialist movements, and the highest ranks of the Special Department of the Police Department became participants in the confrontation of the elites, which negatively affected the protection of public order. Moreover, the agents of the Police Department actually served as a catalyst for the formation of militant organizations of revolutionary terrorists actively arranging political assassinations of statesmen. This work not only provoked political confrontation and intensified the development of the revolutionary movement, but also morally and materially disarmed police representatives.

Keywords: Special Division of the Police Department, special services, political provocation, labor movement, zubatovism, corporatism.

References

1. Novikov S. V. *Sotsial-demokraty i revolyutsionnoye podpol'ye Sibiri (1907–fevral' 1917 gg.)*. Istoriografiya vtoroy poloviny 50–80-kh gg. XX veka [Social Democrats and the Revolutionary Underground of Siberia (1907–February 1917)]. Historiography of the second half of the 50-80s of the XX century. Omsk, 2003. 164 p. (In Russ.).

2. Novikov S. V. *Listovki kak istochnik k izucheniyu regional'nykh organizatsiy revolyutsionnykh partiy (na materialakh g. Omska, noyabr'-dekabr' 1905 g.)* [The leaflets as a source for the study of regional organizations of the revolutionary parties (on materials of Omsk, november–december 1905)] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016. No. 5 (170). P. 190–195. (In Russ.).

3. Novikov S. V. *Revolutsionery, okhranka, provokatsiya. 1887–1917. Psikhologicheskiye zarisovki iz istorii politicheskogo terora* [Revolutionaries, okhrana, provocation. 1887–1917. Psychological sketches from the history of political terror]. Omsk, 2002. 144 p. (In Russ.).

4. *O vklade sekretnoy politzii tsarskoy Rossii v delo revolyutsii* [On the contribution of the secret police of Tsarist Russia to the cause of the revolution]. URL: <https://alternathistory.com/o-vklade-sekretnoj-politsii-tsarskoj-rossii-v-delu-revolutsii/> (accessed: 14.11.2022). (In Russ.).

5. Peregudova Z. *Politicheskiy sysk Rossii 1880–1917 gg.* [Political investigation of Russia 1880–1917]. URL: http://krotov.info/lib_sec/16_p/per/egudova_02.htm (accessed: 14.11.2022). (In Russ.).

6. Eroshkin N. P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, 1968. 368 p. (In Russ.).

7. *Polozheniye ob okhrannykh otdeleniyakh ot 9 fevralya 1907 g.* [Regulations on security departments of February 9, 1907]. URL: http://www.hrono.ru/dokum/190_dok/19070209polic.html (accessed: 14.11.2022). (In Russ.).

8. Aynzaft S. *Zubatovshchina i gaponovshchina* [Zubatovism and Gaponovizm]. Moscow, 1925. 171 p. (In Russ.).

9. Fedorov A. B., Golyadkin G. N. *Politsiya primayet vyzov (eshche raz o politseyskoy reforme 1902 – 1903 gg.)* [The police accepts the challenge (again on the police reform 1902–1903)] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. Bulletin of the St. Petersburg University of the MIA of Russia*. 2016. No. 2. P. 27–30 (In Russ.).

10. Lur'ye F. M. *Khraniteli proshlogo. Zhurnal «Byloye»: istoriya, redaktory, izdateli* [Keepers of the past. The magazine «Byloye»: history, editors, publishers]. Leningrad, 1990. 255 p. (In Russ.).

11. Rozental' I. *Krovavoye voskresen'ye «8 i 9 yanvarya 1905 goda — raznyye epokhi* [Bloody Sunday «January 8 and 9, 1905 — different epochs»]. URL: https://www.solidarnost.org/thems/uroki-istorii/uroki-istorii_1469.html (accessed: 24.11.2022). (In Russ.).

12. Brodnikova M. N. *K voprosu o metodakh raboty politicheskoy politzii Rossiyskoy imperii s sekretnoy agenturoy v nachale XX veka* [On working methods of political police of the Russian Empire with secret agents at the beginning of the xx century] // *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. Humanitarian and Legal Studies*. 2016. No. 2. P. 37–43. (In Russ.).

13. Ivanovskaya P. S. *Boyevaya organizatsiya (Iz vospominaniy)* [Combat Organization (From memories)] // *Byloye. Bygone*. 1926. No. 3 (37). P. 51–70. (In Russ.).

14. Kalinin N. V. *Okhrannyye otdeleniya v sisteme administrativno-politseyskikh organov vlasti Rossii nachala XX veka* [Security departments in the system of administrative and

police authorities of Russia at the beginning of the XX century] // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. *Actual Problems of Russian Law*. 2008. No. 2. P. 219–225. (In Russ.).

15. Jeremiah S. Sergei Zubatov and Revolutionary Marxism: The Struggle for the Working Class in Tsarist Russia. By Jeremiah Schneiderman. Ithaca, London: Cornell University Press, 1976. P. 401. (In Engl.).

16. Novikov M. S. Rossiyskaya imperiya «Russkogo naroda» kak «poteryanny ray» natsionalistov 1990-kh gg. [Russian Empire Dominion of the «Russian Nation» as a «Lost Paradise» Nationalists 1990s] // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. *International Research Journal*. 2016. No. 5-6 (47). P. 118–123. DOI: 10.18454/IRJ.2016.47.221. (In Russ.).

17. Kholiyayev S. V. Konflikt liberalov s vlast'yu 1904 goda kak zavyazka russkoy revolyutsii [The 1904 conflict between the liberals and the Russian government as a start of the Russian revolution] // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. *International Research Journal*. 2021. No. 4-3 (106). P. 174–179. DOI: 10.23670/IRJ.2021.106.4.099. (In Russ.).

18. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. File: 1741/1/10027. (In Russ.).

19. GARF [SARF]. File: 1741/124 (1)/16657. (In Russ.).

20. Mal'tsev V. Iz istorii nizhegorodskogo terrorizma [From the history of Nizhny Novgorod terrorism]. URL: <http://kriminalnn.ru/2012/09/24/iz-istorii-nizhegorodskogo-terrorizma> (accessed: 05.12.2022). (In Russ.).

21. Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti (IAOO) [Historical Archive of the Omsk region (HAOR)]. File: 270/1/59/4. (In Russ.).

22. Baksht D. A. Ispol'zovaniye chrezvychaynogo zakonodatel'stva v Eniseyskoy gubernii v mezhevolyutsionnyy period (1907–1917 gg.) [Administering the Emergency Laws in the Yenisei Province during the Inter-revolution period (1907–1917)] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». *Bulletin of Irkutsk State University. Series «History»*. 2012. No. 2 (3). P. 1. P. 158–164. (In Russ.).

23. IAOO [(HAOR)]. File: 270/1/652/42. (In Russ.).

NOVIKOV Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Philosophy, History, Economic Theory and Law Department, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin, Omsk. SPIN-code: 7226-1354
AuthorID (RSCI): 650930
Correspondence address: zatoncherlak62@inbox.ru

For citations

Novikov S. V. A special division of the Police Department and its participation in political life of Russian Empire. 1900–1914 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2023. Vol. 8, no. 2. P. 21–29. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-2-21-29.

Received January 10, 2023.

© S. V. Novikov